

Вербное воскресенье

Плачут балконы и крыши
В Нижнем, Рязани, Москве.
Юный, задумчивый, рыжий
Лезет в окошко рассвет.

В это воскресное утро
Я у окошка, за ним
Видится мне почему-то
Город Иерусалим.

То ли на улицах верба
Снег растопила и лед,
То ли окрепшая вера
В сердце осанну поет.

* * *

В темноту другого посмотри,
если взгляд собой не исковеркан.
Маленькая звёздочка внутри
сломленного горем человека

огонёчком теплится свечи
в ледяном космическом пространстве,
и её горячие лучи
тают в временном непостоянстве.

Ты её поближе рассмотри.
Даже в телескоп не видно сразу?
Иногда увидеть свет внутри
сложно невооружённым глазом.

Даже наблюдатель иногда
принимает в фатуме участие.
Сорванная с потолка звезда
не наверняка предвестник счастья.

* * *

Приходи ко мне на восходе солнца
созерцать рождение дня.
Ждать, когда тепло по земле прольётся,
напоит тебя и меня.

Из окна стяни покрывало ночи,
надкуси луны ананас.
Видишь, вдалеке небо кровоточит, —
это Бог страдает за нас.

Мы пойдём вдвоём по цветным аллеям
собирать зари урожай.
Где над головой небосвод алеет,
собираясь солнце рожать.

В молодом саду златокудрый мальчик
не по дням растёт — по часам.
Вскоре он по горным полям поскачет,
замыкая в круг полюса.

Золотым плащом он земли коснётся,
над рекой ковёр будет ткать,
в облетевший сад он уже вернётся
стариком седым умирать.

Мы пойдём вдвоём по пустой дороге
проводить его в крайний путь.
Разожжём костёр и попросим Бога,
дать ему за ночь отдохнуть.

* * *

Раннего утра вода.
Чуткого сна колыхание.
Это божественный дар —
слышать родное дыхание.

Не говори «не возьму».
Непредсказуемо это,

как погруженье во тьму
неумолимого света.

Это похоже на то,
что ты испытывал в детстве,
стоя в промокшем пальто,
не понимая последствий,

в парке.
Сентябрьский пожар.
Пламя носил по аллеям
ветер.
Ты, робко дрожа,
осознавал – заболеешь.

Страшно знобило.
Тогда,
чтобы помочь обогреться,
солнце взошло.
И звезда
вспыхнула в маленьком сердце.

...Утром очнулся больной.
День одинокий и длинный
серой стоит пеленой
в склепообразной гостинной.

Ходит под окнами дождь,
по подоконникам смело
бьёт.
И небесная дрожь
липнет к холодному телу.

На запотевшем окне
пишешь, как мантру, признание:
«изнеможение – не
слышать родного дыхания».

* * *

День как день. Под небом ходят ближние.
В небе пролетает самолёт.
К Сормовскому кладбищу из Нижнего
возят тех, кто завершил полёт.

Схоронили. Помянули. Хлюпаем.
Над толпой, как над котельной, дым.
Против воли лезет в строчку глупое:
если умирать, то молодым.

Надо говорить, но мне не хочется.
По тропинке памяти бреду.
Вот моё скупое одиночество –
лавочка в заброшенном саду,

где сижу, двумя камнями млечными
вглядываюсь в жухлые цветы.
И выходят говорить о вечности
из травы живые мертвецы.

Водят хоровод, мехами-рёбрами
раздувают полымя в себе,
черепами полыми, как вёдрами
черпают голубизну небес.